П. И. Бирюков

Греческий мудрец Диоген

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Греческий мудрец Диоген» – книга выдающегося русского писателя и общественного деятеля Павла Ивановича Бирюкова (1860-1931). *** Диогена по праву считают самым неоднозначным философом античности. О жизни основателя школы киников, проповедующих отказ от земных благ, и пойдет речь в данной книге. Другими известными произведениями автора являются «Биография Толстого», «Жизнь и учения мудрецов», «Гонение на христиан в России в 1895 г.», «Духоборы», «История моей ссылки» и «Малеванцы». Павел Иванович Бирюков прославился как исследователь творчества Льва Николаевича Толстого, а также как публицист и автор многочисленных исторических очерков.

- Павел Иванович Бирюков
  - Ученики Сократа
  - Диоген становится учеником Антисфена
  - Как жил Диоген
  - Как Диогена продали в рабство
  - Диоген у Ксениада
  - Беседы Диогена с учениками о том, как мало нужно человеку
  - Отношения Диогена к людским толкам
  - Старик и бессердечный богач
  - Обличение лицемерия и других пороков
  - Как Диоген защитил невинного
  - Диоген и Вакхид
  - Беседа Диогена с Филомедоном о труде и богатстве
  - О правах и обязанностях человека к своему обществу
  - Диоген и Александр Македонский
  - Старость и смерть Диогена
  - Ученики Диогена
- notes
  - 1

Павел Иванович Бирюков
ГРЕЧЕСКИЙ МУДРЕЦ ДИОГЕН

Ученики Сократа

Греческий учитель Сократ умер в городе Афинах, мужественно и спокойно приняв чашу яда по приговору судей. Это было за 400 лет до Р. Х. Осудившие Сократа люди, думали, что, если они убьют его, то им легче будет жить без него, никто больше не станет будить их совесть, и можно им будет по-прежнему предаваться порокам.

Но слова, сказанные Сократом, не пропали даром. Много людей услышали Сократово учение. А ученье его вот в чем было.

Люди страдают от своего неразумия, оттого, что не слушают голоса совести. Голос этот внутри человека и всегда готов помочь ему. Только тот может быть счастлив, кто слушается этого внутреннего голоса.

Голос совести говорит человеку, что он должен жить не для своих похотей, а для того, чтобы помогать другим. Человеку мешают в этом его порочные страсти. Он должен бороться с ними. Только этим путем человек может достигнуть высшего блага и счастья.

И для этого не нужно знать многое, потому что многого мы и не можем узнать. Да, кроме того, если бы от знания многих вещей зависело счастье людей, то кто же тогда мог бы стать счастливым? Только тот, у кого много денег, кто может научиться разным наукам, нанимать учителей или ходить в высшие училища, пока другие люди кормят и одевают его. Таких богатых и досужих людей мало, да из них-то немного найдется счастливых.

Главная наука – в том, чтобы познать самого себя. А для этого не нужно никаких денежных затрат нужно только прислушиваться к внутреннему голосу совести, внушающему человеку через его разум и сердце, как ему следует жить, как поступать с другими и в чем его счастье.

Так учил Сократ. Он привлек к себе много учеников. Ученики любили его как отца, и горько плакали, когда он умирал. Но учитель, умирая, увещевал их не печалиться, потому что знал, что чаша яда, которую он принимал, не могла умертвить в нем того, что одно в нем было живо и бессмертно, ту правду, которую он уразумел и передал людям.

Ученики Сократа понимали его, потому что он говорил просто и ясно, и всякий из разговора с ним получал мудрый совет. Но из сказанных Сократом слов ученики запоминали то, что каждому из них было пригоднее, что ближе подходило к его собственной жизни. Из всего учения Сократа каждый ученик

лучше всего остального запоминал только то, о чем он сам больше думал; и ему казалось, что учитель только это и говорил, а о других сторонах учения своего учителя он забывал. И потому, когда ученики сходились без учителя, то они часто спорили о том, кто из них лучше понимал Сократа.

При жизни Сократа они еще держались в мире общею любовью к нему, а по смерти его пошла между ними рознь и вражда, особенно между теми, кто сам не видал и не слышал Сократа, а уже от других узнал его учение. И каждый из них говорил свое и уверял, что-то самое говорил Сократ. И выходило, будто Сократ говорил то одно, то другое, совсем противоположное. И из-за этого враждовали и спорили его различные последователи.

Только долго спустя люди поняли, что не мог Сократ учить тому, из-за чего люди ссорятся и враждуют.

И тогда люди стали спокойно изучать все то, что дошло до них из учения Сократа, и тогда только могли разумно и согласно понять его учение.

Сейчас же после смерти Сократа было совсем не то.

Один из его учеников, Плат, богатого и знатного рода, горячо любивший Сократа, хорошо понял одну часть учения и записал ее. Из учения Сократового больше всего ему нравились слова о том, что жить нужно для общего величайшего блага, т. е. – так жить, чтобы жизнью своей принести как можно больше добра и блага людям. Платон стал рассуждать о том, что такое это общее благо или добро, отчего оно происходит, кто сотворил его, откуда произошел весь мир и о многом другом. Он был очень умен и красноречив и написал много книг. Но Платон не исполнил самого первого завета своего учителя. Он остался богатым и знатным, и потому не стал братом бедному, рабочему люду. Богатые греки любили слушать его и подарили ему особый участок земли и построили там дом. Туда ходило учиться много знатных людей, но бедные туда не могли попасть. Эта школа называлась академией.

Другой ученик Сократа, Аристин, тоже из богатых господ, слышал, как Сократ часто говаривал, что тому, кто наслаждается удовольствиями не в меру, – сладко ест и пьет, мягко спит, пирует, посещает часто разные зрелища, – тому скоро прискучит все это, и будет он самым несчастным человеком. Такому человеку всякий труд в тягость, и сами удовольствия ему будут не в радость, и скука и тоска овладеют им. А тот, кто проводит жизнь в труде, тот и малое удовольствие считает за большую радость и всегда найдет, чем разогнать тоску. Аристин по-своему понял эти слова. Он стал жить для своего удовольствия, но – так,

чтоб никогда не пресытиться удовольствиями. Для этого он старался каждому удовольствию предаваться в меру и как можно чаще менять свои удовольствия.

– Иначе, – говорил он, – и жить не стоит, как только для своего удовольствия.

Еще был ученик у Сократа по имени Антисфен. Он не был знатного рода. Мать его была дальняя чужестранка, а у греков в городе Афинах был такой обычай, что места давались тем только, у кого родители были коренными афинскими жителями. Все же остальные могли заниматься кто чем хотел, либо торговлей, либо ремеслом каким; но в управление они не допускались. У Антисфена не было капиталов, торговлей он заняться не мог, ремеслу выгодному смолоду не обучался. Пришлось ему свой хлеб добывать черной работой. У него была большая охота к учению, и в свободное время он стал посещать различных афинских учителей. Когда же он услышал Сократа, то бросил всех остальных учителей привязался к нему, как ребенок к отцу.

Антисфен жил в приморском городе Пирее, за 10 верст от Афин, и каждый день ходил в Афины к Сократу слушать его учение о жизни. Антисфен сам жил в нужде, и ему было дорого то, что Сократ не презирал бедняков и рабов, а учил любить их и считать всех людей, и знатных, и простых, своими братьями. И из учения Сократова Антисфен понял то, что люди должны так жить, чтобы и в бедности, и в нужде они могли быть довольными и счастливыми. И поняв это, Антисфен стал учить нищих, рабов и других бесправных людей.

После смерти Сократа Антисфен учил народ в особом огороженном месте, куда собирались слушать его те, кого не пускали в академию. Место это называлось по-гречески Киносарх, а по-русски означает: собачье место.

Антисфен учил, что счастье не в богатстве и почестях, не в разукрашенных палатах, не в еде и питье и не в высоком звании.

«Счастье – говорил он – в самом человеке, внутри его. Для счастья и покоя души человека нужна добродетель. В ней одной мудрый человек ищет своего благополучия, и он не смотрит на то, будут ли его за это уважать или ругать. Он служит своей совести, своему Богу и не помышляет об ином благе. Жить надо как можно проще и беднее, довольствуясь для своего тела самым малым. Тогда меньше нуждаешься в помощи других людей и меньше от них зависишь. Человеку, живущему так, не нужно ни покровительства сильного мира, ни богатства, ни учености. Только тот будет покоен и радостен, кто сумеет побороть в себе всякое тщеславие и всякие похоти. В этом и состоит мудрость человеческая. Чтобы стать таким мудрым человеком, нужно

слушаться голоса совести и разума. Голос совести всегда покажет человеку, когда он уклонится от правого пути, только бы не заглушить в себе этого голоса». Одним словом, Антисфен убеждал своих учеников оставить поклонение языческим богам и проповедовал единого Бога, живущего в сердце человеческом.

Так учил Антисфен, и примером своей жизни он показывал, как немного нужно человеку, желающему жить разумно. У него не было своего крова, и ходил он, как нищий, в оборванном платье, с сумкой за плечами и с посохом в руке. К нему ходил народ и от него учился праведной жизни.

Одним из учеников Антисфена был Диоген.

Во все времена и века, у всех народов были мудрые учителя, учившие их праведной жизни. Учения многих из них дошли и до нас. Читая об них, мы часто забываем, каким трудом, какими страданиями духа и тела досталось им это познание истины. Нам кажется, что эти мудрецы так и родились мудрецами, и иной раз даже становится завидно, отчего и мы не родились такими. А между тем, большею частью, детство этих людей и первые годы их взрослой жизни были самые бурные, не похожие на то, чему они учили потом. И когда мы узнаем их прежнюю жизнь, то начинаем понимать, каким тяжким трудом они выбрались на истинный путь и пошли по нем. Вот почему поучительно знать их историю. Читая ее, мы понимаем, что жизнь наша становится дурной или хорошей не оттого, какими мы родились, а оттого, на сколько мы желаем усовершенствовать себя и трудимся над этим.

Так было и с Диогеном.

Диоген становится учеником Антисфена

Он родился в городе Синопе, на берегу Черного моря, за 414 лет до Р. Х. Теперь этот город принадлежит туркам; тогда же он был греческим городом.

В нем жили греки, переселившиеся из своего отечества. Теперь Синоп маленький, грязный городишка; а во времена Диогена он стоял во всей своей красе и вел большую торговлю. В этом городе отец Диогена, Ицесий, был банкиром или менялой и вел большие денежные дела.

Около денег человеку легко испортиться. Соблазн велик. На деньги все купить можно. Ни в чем удержу нет. Много людей так погибло. Не стало у Ицесия хватать денег на его затеи. Научился он, как самому делать деньги. За отцом пошел и сын, и стали они вместе изготовлять Фальшивые монеты. Но недолго пришлось им вести так свои дела. Обидели они как-то рабочего, и тот донес в управу об их мошенничестве. Их накрыли на месте. Отца посадили в тюрьму, там он и умер, а сын убежал из города.

В то время Диоген был уже взрослый. Он пошел скитаться по разным местам, перебиваясь кое-какой работой, а в свободное время он раздумывал о том, так ли он живет как нужно.

Много мыслей бродило у него в голове, да все путались, и трудно ему было самому разобраться в них, а с кем ни заговаривал, никто не помогал ему. Одни не понимали его, другие смеялись, третьи жалели его и говорили: «Не будет в нем проку, – ум за разум заходит».

Но Диоген чуял, что люди эти так говорят потому, что сами не живут так, как надо, и не знают в чем правда.

С такими мыслями Диоген пришел в Афины. Он еще раньше слышал, что в этом городе жил мудрец Сократ, учивший народ тому, как жить надо людям. Слышал он также и то, что учителя этого, любимого народом, но неугодившего правителям и судьям, казнили как злого преступника, и что теперь ученики Сократа продолжали учить народ. Диоген стал прислушиваться к их учению. И больше других пришелся ему по душе мудрец Антисфен.

У Антисфена в то время учеников поубавилось. Трудно показалось им исполнять то, чему он учил, к тому же в это время и сам Антисфен тосковал и скорбел душою о своем любимом учителе Сократе, которого еще недавно погубила злоба и зависть людская.

В это самое время и пришел Диоген к Антисфену.

«Вот и этот, – подумал про себя Антисфен, – пришел сюда послушать старика только от нечего делать. Прогоню я его!»

– Зачем ты пришел ко мне? – строго спросил он у Диогена.

– Учитель, я пришел слушать учение твое; жить хочу праведно!

– Уходи скорей, не надо мне никого; вы народ ненадежный, оставьте меня.

– Я не уйду от тебя, учитель.

– Прочь! – закричал Антисфен и замахнулся на него палкой.

– Вей меня, но знай, что еще не выросла такая крепкая дубина, чтобы отогнать меня от тебя; бей, но учи меня – сказал Диоген твердо.

Антисфен опустил палку, и лицо его просияло радостью.

– Друг мой, – сказал он, – обними и прости меня! Теперь я вижу, что ты выдержал трудное испытание; ты не только молод и крепок телом, но и силен духом. Не покидай же меня, помоги мне, будем вместе учиться правде и открывать ее людям.

И они зажили вместе.

Когда Диоген пришел в Афины, у него были еще кое-какие деньги. Но, недолго думая, он все их роздал нищим. Был у него сперва даже раб по имени Манес. Однажды Диоген рассказал Мане су о том, что он узнал от Антисфена, и стал убеждать его зажить вместе с ним одною нищенскою жизнью. Но рабу не понравилась такая жизнь, и он убежал от своего господина. После этого Диогена встретил один его знакомый и говорит ему:

– Что же ты не разыскиваешь Манеса! Заяви начальникам, его вернут!

– Зачем, – отвечал Диоген: – если Манес может обойтись без меня, отчего же я не могу обойтись без Манеса? Пускай себе гуляет на воле.

Диоген все раздумывал о том, как бы ему жить так, чтобы никогда никому не делать худого, – как сделать жизнь свою радостью, а не горем, каким она была до сих пор. «Если мне будет хорошо, – думал он, – то и другим вокруг меня станет лучше». – Между тем в Афинах наступил годовой праздник. В этот день собиралось туда много народу, и весь день потешались разными представлениями и играми и целую ночь пировали и веселились. Диоген не участвовал в этом празднестве, и в эту ночь, поужинав овсяным киселем, лежал, завернувшись в свой плащ, в укромном местечке на городской площади. Он смотрел на шумную бесшабашную толпу народа и раздумался о своей жизни.

«Вот – думал он, – люди веселятся, за день всего насмотрелись и наигрались, и теперь расходятся по трактирам.

Там они напьются и наедятся вдоволь всего. Почему бы и мне не жить так, как они все живут? Зачем я отделился от них и хочу жить по-иному?»

И взяло его сомнение, так ли он живет как надо? Вдруг зашумело что-то по его плащу; он оглянулся; видит мышка. Подбежала она к его плошке и стала доедать остатки его киселя. Диоген посмотрел на нее, ободрился и сказал сам себе: «О чем ты думаешь, Диоген? Вот эта мышь довольна остатками твоей еды, а ты, разумная тварь, печалишься о том, что не лежишь, объевшись и напившись, на мягких подушках и цветных коврах!» Такими разумными мыслями укреплял себя Диоген в минуты сомнения и малодушия; и скоро он совсем перестал сомневаться в праведности избранной им жизни.

Как жил Диоген

Скоро Диоген отказался и от постоянного жилья и стал ночевать, где придется. В хорошую ночь он спал под открытым небом.

– Под такой крышей, – говаривал он, никому не тесно жить, всем места хватит. А звезды-то ночью блестят и мерцают, будто говорят меж собой о том, что им на нашей земле видать. Посмотришь на них и не скучно, словно не один лежишь, а с народом.

А в ненастье Диоген забирался под ворота. В Афинах было настроено много храмов разным богам. Был храм Бога, про которого говорили, что он посылает гром и молнию; другой был в честь Бога, которому молились во время войны; третий – тому богу, который, как думали, помогал в торговле, и еще было много других храмов. А перед этими храмами греки устроили большие ворота с узорчатой крышей.

Они клали много трудов на эти постройки, выписывали заграничных архитекторов. И города друг пред дружкой хвастались тем, у кого выше или красивее ворота поставлены. А Диоген смеялся над этим и говорил: «Это они мне домов настроили». У одного храма под воротами постоянно лежала большая пустая бочка. И Диоген полюбил эту бочку. Он часто залезал в нее, ночевал в ней и считал ее своим домом.

Раз Диоген вышел за город и пошел по дороге. Проходить надо было мимо родника. Диогену встретился мальчик. Захотелось мальчику пить. Он подошел к роднику, сложил ладони в пригоршни, набрал воды, напился и пошел дальше. А у Диогена была еще тогда своя кружка. Как увидал он, что мальчик без кружки обходится, бросил Диоген свою и не заводил больше новой: стал из горсти пять.

Для похлебки у Диогена была плошка. Только раз зашел он в трактир и попросил, чтобы его накормили. Видит – пришел в трактир бедняк за обедом, – домой хочет нести, а посуды нет. Смотрит Диоген, что будет делать бедняк. А тот купил краюшку хлеба, мякиш вынул из нее, а в корку налил похлебку и пошел домой. И это очень понравилось Диогену.

Питался Диоген подаянием. Иногда ловил рыбу на морском берегу. Сначала варил рыбу на огне, а потом стал сырую есть, и ничего – привык. Он с радостью говорил: «Вот мне и огня не нужно». Он ел также разные коренья и травы, и насыщался ими, и был здоров и силен.

Чтобы быть здоровее телом, Диоген закалял его жаром и

холодом, как кузнецы закаляют сталь. Зимой он ходил босиком по льду и прикладывал голую грудь к медным изваяниям и памятникам, а летом он валялся голый по раскаленному солнцем песку.

Обувь он совсем перестал носить, говоря, что ноги не должны быть нежнее глаз и всего лица, а ведь мы их не закрываем во время холода (в Греции не бывает сильных морозов) и не боимся простудить их, потому что ходить с завязанными глазами нельзя. Значит, и ноги должны привыкать к тому же. А одежда его вся состояла из широкого плаща или покрывала. Когда тепло, он его распускал, а когда холодно, носил сложенное вдвое.

И далеко прошла молва о Диогене.

Антисфен учитель его уже становился стар и слаб, и народ стад ходит к Диогену. У Диогена был хороший голос, и говорил он умно, красноречиво и так убедительно, что всякий, кто слушал его, невольно соглашался с ним.

Недалеко, от Афин, в море, был остров Эгина. Там жил богатый человек, по имени Онезикрит. Он услышал про жизнь Диогена и послал своего младшего сына в Афины разузнать, что это за человек.

Сын поехал, отец его ждал, ждал, не дождался. Пришли, раз к отцу купцы из Афин и рассказывают: «Видели мы, как твой сын слушал учение Диогена узнав, что мы из Эгины, он велел сказать, что не вернется к тебе, потому что не может оставить учителя».

Тогда Онезикрит послал старшего сына, – и тот не вернулся. Собрался, наконец, и сам отец, поехал в Афины, увидал Диогена, услышал его учение – и сам стал его учеником.

Диоген часто говорил, что человек страдает больше всего потому, что не получает того, чего ему хочется. Значит, для того, чтобы не страдать и быть счастливым, нужно поменьше хотеть; а хотение во власти у самого человека. И когда освободится человек от своих хотений, тогда он становится счастливым. Тогда ему о себе заботы мало, он не замучает себя работой для удовлетворения разных своих прихотей, и ему больше будет времени другим помогать и услуживать.

Диоген уважал нищих и увещевал их полюбить свое нищенство и не искать обеспечения и богатства.

«Бедность, – говаривал он, – самоучка, помощница мудрости».

Еще говорил он, что человеку для жизни нужно набираться силы и телом, и духом. Тело набирает себе силы в трудной работе до пота лица, а душа набирает себе силы в добрых делах.

Он говорил также, что ничего не надо считать своим, кроме духа и тела своего, да и телом следует пользоваться не в свою утробу, а на добро людям.

«Когда задумал какое-нибудь дело, – говорил Диоген, – то рассудить надо, разумно оно или нет, и не обличит ли совесть тебя за такой поступок. А о том, что другие люди скажут, думать не надо, потому что мирская молва, что морская волна, переменчива; если о ней станешь думать и к ней применяться, никому не угодишь и не сделаешь пользы ни себе, ни другим».

Так учил Диоген людей, приходящих к нему, и примером своей жизни показывал правоту своих слов. И удивлялись многие греки мудрости Диогена и говорили между собой: «Откуда узнал он все это? Не сын ли это Ицесия, фальшивого монетчика, посаженного в тюрьму в Синопе? Да, ведь, и сам он, говорят, теми же делами занимался, за то и был выгнан из города, а вот теперь стал учителем». Находились и такие люди, которые говорили ему прямо в лицо, когда встречались с ним:

– Правда ли, Диоген, что ты прежде подделывал деньги?

На это Диоген отвечал:

– Да, правда, прежде я худо жил; но ведь я переменился; а посмотрите на себя: какими вы были прежде, и много ли переменились с тех пор?

В то время у афинского народа с соседним македонским загорелась война. Произошло большое сражение при городе Херонее, не далеко от Афин. В этом сражений Диогена забрали в плен. Увидели неприятели, что человек смирный, покорно в руки дается, подумали – лазутчик и привели к македонскому царю Филиппу. В то время жажда завоеваний обуяла Филиппа, хотелось ему все соседние народы покорить под свое владычество.

Привели Диогена к царю и сказали:

– Это, видно, перебежчик, надо его допросить.

Царь спросил Диогена:

– Ты перебежчик? О чем же ты донесешь своим, если отпущу тебя?

Диоген ему ответил:

– Я им расскажу про твою ненасытность.

Как Диогена продали в рабство

Онезикрит с сыновьями своими, понявши Диогеново учение о праведной жизни, вернулся к себе домой, на остров Эгину, и, как умел, просвещал словом и делом домашних своих и соседей. Только стосковался, он по-своему любимому учителю и писал ему, умоляя приехать к нему в Эгину. А в Афинах в то время была от войны неурядица.

Диоген собрался в путь и поплыл на корабле в Эгину. На море поднялась страшная буря. Кормчий сбился с пути, и корабль понесло по волнам. И не знали путники, что с ними будет: разобьет ли их о камень, унесет ли в открытое безбрежное море, занесет ли в неведомую страну к диким людям. Настало утро. Утихла погода, и когда рассвело, увидали они, что несет их корабль прямо на песчаный берег. Снасти были порваны, руль сорвало с петель, и они не могли управиться. Их нанесло на песчаную отмель, и корабль сел на мель.

Пока раздумывали несчастные путники, что им делать, как горю помочь, – увидали вдали другой корабль: идет он под всеми парусами и держит прямо к ним. Обрадовались путники, думают – спасенье идет. Но ошиблись. Корабль оказался разбойничий.

В то время было много морских разбойников, имевших свои корабли, Разбойничий корабль подошел к берегу, завернулся против ветра, бросил якорь, убрал паруса. Видят путники, что с того корабля спустили лодку, и в нее садятся люди, с мечами, копьями и щитами.

– Дело плохо, думают: заберут живьем.

Подошла к ним лодка с разбойницами, закричали:

– Сдавайтесь!

А у разбойников был такой обычай, что если человек с ними начинал бороться, то они убивали его и кидали в воду; а кто сдавался, того увозили в плен и продавали в рабство.

Диоген знал это и стал уговаривать своих товарищей покончить дело миром.

– Тут еще беды большой нет, – говорил он, – что нас уведут в плен и продадут, как рабов.

Со всяким человеком ужиться можно. Ведь и они тоже люди. На душу оков не наложат, а ведь только душевная свобода и дорога человеку. А станем защищаться – людей погубим, кровь прольем и себе лучше не сделаем.

Те, кто послушали его слов, потом благодарили его, а те, которые защищались, были все перебиты. Забрали разбойники все, что было дорогого на корабле, перевезли на свой корабль,

снялись с якоря и поплыли дальше.

И пристали они к острову Криту.

На этом острове торговали рабами. Разбойники расположились на площади в ожидании базарного дня. Плохо пришлось пленникам. Кормили их впроголодь; если б не Диоген, их бы совсем заморили. Но он не падал духом и смело требовал у своих хозяев лучшего содержания.

– Странное дело, – говорил он: овец и поросят, назначенных на продажу, вы хорошо откармливаете, а человека, самого дорогого из животных, вы на продажу морите голодом.

И слова его действовали на продавцов, и они прибавляли ему пищи, а он разделял прибавку между голодными товарищами да еще ободрял их шутками и своим веселым расположением духа.

Наконец, начался базар. У торговцев рабами в обычае было выкрикивать, какую работу знают их рабы, чтобы заманить покупателя.

Спросили у Диогена:

– Какое ремесло знаешь ты?

– Я умею людьми управлять, – отвечал Диоген.

Голову даю на отсечение, – отвечал, рассмеявшись, продавец, – что никто не захочет купить себе господина. Да и как же мне кричать про тебя?

– А так и кричи: кто хочет купить себе господина, кому хозяина нужно?

Увидал Диоген, что мимо того места, где он сидел на рынке, проходил богатый человек, одетый нарядно, и с добрым лицом.

– Вот, говорит, – продайте меня этому человеку; вижу я, что ему хозяин нужен.

Богача этого звали Ксениад. Услыхал Ксениад, что про него говорит Диоген. Любопытны показались ему эти слова – он сговорился с торговцами, купил Диогена и увез к себе в большой богатый греческий город Коринф, где он проживал со своею семьей.

Разговорившись дорогой с Диогеном, Ксениад увидал, какое он сделал драгоценное приобретение. Возвратись домой, он поставил Диогена дядькой над своими детьми, а потом так доверился ему, что и весь дом сдал ему на руки.

Диоген у Ксениада

Диоген стал рабом, но дух его оставался свободным.

Он поселился у Ксениада и стал для него таким нужным человеком, что тот без него ни за какое дело не брался.

Когда знакомые Ксениада спрашивали его, доволен ли он своим новым рабом, то он отвечал:

– Поистине не знаю, как благодарить Небо за такое счастье. Мир, тишина и порядок с тех пор, как Диоген поселился у меня в доме и охраняет мой дом.

Диоген полюбил своего господина за его кроткий нрав, но еще больше полюбил детей его, и дети горячо привязались к нему. Диоген знал, что воспитать детей – дело очень важное и трудное.

– Мое дело, – говорил он, – точно гончарное: дана мне мягкая глина, могу вылепить из неё, что мне хочется; а уж когда обожгут ее, тогда будет поздно, не выправишь изъяна. Тогда можно только разбить сосуд. Так и с детьми: когда молоды, – они мягки и все принимают в себя, а как вырастут, то с тем и останутся, что в детстве приобрели; потом трудно исправиться.

Диоген замечал, как часто родители начинают портить своих детей еще в юности, и, случалось, предупреждал их об этом и старался остановить юношу на краю пропасти, куда влекли его соблазны, примеры товарищей и поблажки слабых родителей. Так Диоген увидал раз, что молодой мальчик шел на обед к человеку, известному своей распутной жизнью. Диоген подошел к нему, взял его за руку, уговорил вернуться домой и, приведя его к родителям, сказал:

– Берегите его от погибели.

Еще в другой раз Диоген увидал юношу, идущего на пир.

– Зачем ты идешь туда, – сказал он ему: – ты потеряешь там мудрость.

Юноша не послушался его и все-таки пошел. На другой день они опять встретились, и юноша сказал Диогену:

– Вот, я вернулся с пира, и хуже не стал.

– Неправда, – отвечал Диоген: ты, наверное, осла бел духом.

Зато как радовался Диоген, когда замечал, что в молодом человеке еще действует совесть, и видел краску стыда на его лице!

– Это цвет добродетели, – говорил он, – это божественный дар.

В своих питомцах Диоген больше всего наблюдал, чтобы они не набирались вредных господских привычек, – сладко есть,

мягко спать да кутаться в дорогие нежные ткани. Он знал, что все это портит людей, и потому приучал детей ходить босиком, носить только одну одежду из самой грубой ткани, ходить без шапки и спать на голой земле. Чтобы дети набирались сил, он устраивал им потешные игры, такие, чтобы все тело было в движении. Диоген постоянно вразумлял своих учеников, для чего все это им нужно; он учил их прибирать за собой, чтобы не мучить слуг и рабов, которым и без того было много работы в богатом доме. Дети слушали слова Диогена, но еще больше учились, глядя на самую жизнь своего учителя. Они перенимали его привычки, потому что он сам жил так, как учил жить других.

Сыновья Ксениада так привязались к Диогену, что не оставляли его до самой смерти.

Так жил Диоген у Ксениада и не желал себе ничего лучшего. Но его афинские друзья проведали, где живет их наставник, разыскали его и пришли к нему и предложили ему выкупить его из рабства. Диоген посмеялся над ними и сказал:

– Зачем даром деньги тратить? Лучше нищих накормите, а мне и здесь хорошо. Меня освободил от вечного рабства Антисфен, мой учитель, и с тех пор никто не может поработить меня.

Друзья Диогена не решались покинуть своего любимого учителя, и некоторые поселились недалеко от дома Ксениада. Диоген каждый день уделял время для беседы с ними. Он уходил в загородную слободу Кронион, около которого был тенистый сад, и любил сидеть в этом саду под тенью деревьев. Радуясь всякой Божьей твари, всякой былинке, Диоген говаривал:

– Чего еще нужно человеку? Как щедро наградила его природа. Где найду я постель мягче этого луга, где найду свет ярче этого солнца, где услышу песни прекраснее этого соловья, какой напиток слаще и чище этого серебристого ключа? И еды здесь довольно: сколько питательных растений, сколько сытных кореньев; пойду нарою себе и пообедаю. И не отнимет никто, а если и отнимет, пойду еще добуду, и не надобно мне зла держать на воров, не надобно защищать.

В этом саду. Диоген беседовал со своими учениками, а оставшись один, размышлял о том, как бы ему самому избавляться от своих грехов и слабостей и как другим помочь в этом.

Иногда он записывал свои размышления, но записи эти не дошли до нас: мы знаем о них только то, что писали другие, читавшие их. О записях своих он так рассуждал:

– Мне хочется писать! Но на чем же я буду писать? У меня нет ни вощеных дощечек, ни бересты, ни кожи, хоть бы плоский

камень или кость, – ничего такого нет у меня. Как же быть? Да если б и нашлось что-нибудь такое, мне и писать нечем, никакого такого инструмента нет. Слышал я, что можно на песке писать, только жаль – скоро сотрется. Впрочем, я знаю много таких писак, которым бы, действительно, следовало писать на песке для того, чтобы поскорее пропали их никому ненужные сочинения. Ведь обходились же в старину без всяких этих приспособлений. Отчего же теперь нельзя? Прежде, правда, немного писали, – писали только то, что нужно и важно, а теперь все думают, как бы побольше написать. Да все без толку. Как же быть? писать-то мне хочется? Ах, я, простофиля! Ведь на стенах моего жилища ничего не висит: ни картин, ни портретов и никаких украшений, вот я возьму уголек и стану писать на стене, сколько хватит места.

Приходит раз к Диогену Ксениад, и видит – все стены исписаны. Догадался, пошел в город, купил костяные таблицы или дощечки, роскошно обделанные, и подарил Диогену. Диоген взял их и сказал:

– Спасибо тебе, Ксениад; если ты хочешь, чтоб я на этих дощечках писал, я могу сделать тебе одолжение. Видно, тебе хочется сохранить у себя мои бредни, – дело твое. А за внимание спасибо. Будь, по-твоему.

И стал он писать на костяных дощечках. В то время бумаги еще не было. Писали на коже, на широких древесных листьях, а кто побогаче, тот писал на кости особыми перышками.

Беседы Диогена с учениками о том, как мало нужно человеку

Беседы свои с учениками Диоген обыкновенно начинал с того, что доказывал им, как мало нужно человеку, чтобы быть счастливым, и что если бы люди поняли это все, стали счастливыми, потому что на всех бы хватило всего, что есть, и никто бы ни в чем не нуждался. Теперь же люди так изнежились, что они несчастнее диких животных. У животных нет ни огня, ни одежды, ни запасов пищи, а между тем они проживают назначенное природой время жизни, пользуются всеми телесными силами и хорошим здоровьем до смерти. Люди же, столь жадные до жизни и знающие столько средств, чтобы замедлить смерть, большей частью не доживают до старости и живут со многими болезнями. И никакое докторское искусство не приносит им пользы. Не помогают им и молитвы к богам, потому что они живут невоздержанной и погибают в пороках. Сколько люди изобрели всяких ухищрений, сколько научились делать разных новых штук, чтобы удобнее было жить, и все это им не на пользу, потому что мудрость и знание они употребляют не на правду и свободу, а на то, чтобы хитрее наслаждаться и ублажать себя. Они боятся суровой, трудовой жизни, им кажется, что они заботятся о себе, но они погибают из опасения за свое здоровье, из своей привязанности к жизни.

Такими речами Диоген изумлял богачей; иные убегали от него, считая его сумасшедшим, другие убеждались его словами, изменяли свою жизнь и становились счастливыми.

Раз собрались к Диогену несколько юношей, и он обратился к ним с такою речью:

– Мне было бы очень досадно, если б нашелся хоть один человек, у которого было бы меньше потребностей, чем у меня. Хорошо человеку живется, когда у него нет потребностей. А так как совсем без них нельзя обойтись, так хорошо, чтобы их было как можно меньше, и чтобы человек о них думал, как можно меньше.

– Да, ведь, это трудно, учитель! – возразил ему один юноша.

– Трудно, трудно, правда твоя, особенно вот таким как Херей и Филомедон, – сказал Диоген и указал на двух юношей в богатых одеждах. – Ведь вас с рожденья начинают портить. А подумайте-ка: разве не трудно жить тому дураку, который хочет, во что бы ни стало умереть богачом? Я полагаю, что ему гораздо труднее, чем бедняку. Сколько заботы ему о том, чтобы накопить

богатство, а еще больше, чтобы удержать его у себя. А чего стоит другому из простого работника стать важным барином?… Безумные, слабые люди! ведь у человека и без того есть заботы такие, что и обойти нельзя, например: заботы о том, как уберечь себя от зла, как помочь страдающему. А вы еще много труда кладете на то, чтобы приобрести себе больше забот и страданий. А между тем при вдвое меньшем труде можно получить здесь, сейчас, такое блаженство, какое и богатым людям во сне не снилось. Да, поверьте мне, все страдания человеческие происходят оттого, что люди многого хотят, многого боятся, многому завидуют, на многое надеются, не, зная того, что в них самих есть все, что им нужно. Взгляните на меня! Я так блажен, как только может быть блажен человек, а мне нужно только немного хлеба или кореньев для того, чтобы жить, да вот еще этот плащ, чтобы не замерзнуть, и какой-нибудь шалаш или даже пустая бочка, чтобы лечь в сухом месте. И как я счастлив, что дошел до этого!

– Истинно так, учитель, – сказал один молодой человек, по имени Кратес. – Ты можешь гордиться этим, и мы завидуем тебе. Но сколько пришлось тебе перенести насмешек! Жутко бывает, когда решишься на какой-нибудь поступок и вдруг подумаешь, что скажут об этом другие.

– Да Кратес, это большой соблазн. Берегись его! Беда тебе, если станешь думать о том, что скажут о тебе другие. Кто из вас захочет войти в славу и честь у людей, тот себе наживет много страданий. За славой людской не угонишься, к людской молве и примениться нельзя. Посмотрите, кого почитают у нас и кому кланяются? Богачу. За что? За его деньги, а не за его добродетели; сановнику – за его важность, из страха, а не из любви к нему. Какому-нибудь красавцу льстят за его наружность, а опять-таки не за ум его или хорошую жизнь. Музыканту или живописцу воздают хвалу за их умения потешать праздных людей. Многих бесчестных людей ласкают и ухаживают за ними, чтобы пользоваться от них их плутовством. А за ясный ум, за честность, за любовь – не жди себе от людей славы и чести, потому что ясный ум твой обличит их неправду, честность твоя помешает их коварным замыслам, и любовь твоя заставит их стыдиться своих похотей. Но все ж таки, живя добродетельно, ты будешь счастлив и приобретешь друзей. Друзьями тебе будут те, кто поймут и полюбят тебя. От других же людей ты услышишь насмешки и ругательства, примешь побои и оплывания. Но не сокрушайся этому, а радуйся, потому что это значит, что ты живешь праведно.

Так говорил Диоген с учениками своими, и с наступлением

вечера они расходились по домам, обдумывая все то, что слышали от своего учителя.

Отношения Диогена к людским толкам

Прав был Кратес, ученик Диогена, когда сказал ему, что трудно перейти к простой жизни, что придется перенести много насмешек и всякого позора. Диогену, действительно, пришлось перенести все это.

Ксениад, хозяин Диогена, очень любил его. Горько бывало Ксениаду слышать насмешки и клеветы, которые сыпались на его друга. Он приходил к Диогену и изливал пред ним свою душу, жалуясь на несправедливость людскую. Ж они подолгу между собою беседовали.

– Что же про меня говорят? – спросил раз Диоген у Ксениада.

– Да говорят, что ты притворяешься дураком.

– Скажи им, когда их увидишь, – ответил Диоген, что они притворяются умными.

– Еще смеются над тобою, что ты бросил кружку и пьешь из ладони.

– Да, ведь, они не знают, почему я бросил кружку; может быть, оттого, что она была худая, а новой не зачем было заводить, так как я научился у мальчика пить из ладони. Но если бы и не так, что же из этого? Я знаю богача Клеона, он пьет из золотого стакана. Но если бы он умел и хотел пить из ладони, то ему не пришлось бы так кривить душой и подличать перед силами мира, чтобы удержать у себя свое золото.

– Еще говорят про тебя, что ты говорить людям то, что они ни любят слушать.

– Чем же я виноват, что они не любят слушать правду?

– Им не нравятся твои привычки, твои дурачества, как они их называют.

– Дурачества! Да, ведь, весь Коринф наполнен множеством самым вредных дурачеств, почему же мне не могут простить мои немногие дурачества, которые для меня полезны и другим не вредят? Разве тебе хочется, добрый Ксениад, чтобы у меня не было этих дурачеств? Ведь тогда мне было бы тяжелее. Пускай смеются надо мною за мои привычки, лишь бы позволили мне спокойно жить. Если б у меня не было ничего смешного, они ведь, пожалуй, не вынесли бы моего присутствия и сжили бы меня со свету.

– Еще говорят про тебя, Диоген, что ты так странно живешь, одеваешься и поступаешь – только из гордости, чтобы отличиться перед людьми.

– Почему же из гордости? Я поступаю так по своим убеждениям; неужели коринфяне так проницательны, что могут знать даже мои намерения, почему я поступаю так, а не иначе? А если бы даже из гордости, так, ведь, и они не свободны от этой слабости, значит мы в этом равны. И хотя бы я и жил так из гордости, я думаю, что все же полезнее жить так, как я, чем подражать им в их жизни. Полезнее есть мою простую пищу, чем наслаждаться жирными кушаньями, которыми их повара незаметно отравляют их. В одежде и в жилище полезнее соблюдать простоту, чем подражать богачам.

Я уж привык к этой умеренности, так что она не тяготит меня, а, напротив, доставляет мне большая выгоды, и эти выгоды я не променяю на удовольствие сладко попить и поесть. С тех пор, как я живу просто и бедно, я всегда весел и ко всему расположен; мой дух ясен, разум деятелен, сердце чувствительно, все мои силы мае послушны, и не от желудка зависит мое обращение с людьми. Красота природы всегда меня радует, а к переменам погоды я привык: могу переносить и зной, и холод, и голод, и жажду, выдерживаю ветер и ненастье, насколько только может выдержать природа человека. Пусть ваши изнеженные, похожие на девушек, расслабленные богачи, которым причиняет боль малейшая складка на их мягкой постели, пусть они придут и переведаются со мною во всем этом. Посуди же сам, Ксениад: нужно ли быть гордым для того, чтобы жить так, как я живу?

– Пожалуй, ты и прав, Диоген – отвечал Ксениад. Только я все думаю о том, а что будет, если все начнут жить так? Ведь сама природа доставляет нам столько удовольствий и изощряет наш ум на изобретение разных предметов для убранств и наслаждений. Если ты прав, то что же будет с наукой и искусствами? Все сотворено для нас. Кто же всем этим будет пользоваться?

– Если ты что-нибудь присваиваешь себе, Ксениад, это еще не значит, что оно сотворено для тебя. Я расскажу тебе причту: один богатый человек сделал большой пир и позвал на этот пир всяких гостей из всех земель, народов и языков, всякого звания, пола и возраста. По своей щедрости он предоставил всем своим гостям многие кушанья, и все в большом изобилии, и притом каждому дал то, что ему всего полезнее. Все ели и пили, и благодарили хозяина. Но вот между гостями оказался один, который не удовольствовался тем, что стояло перед ним, и захватил себе и отдаленнейшие блюда, не рассуждая, что не все приготовлено для него одного, и что у него только один желудок, или что некоторые кушанья поданы для слабых и хворых гостей. И стал этот гость отнимать у других и пожирать все, и наелся до

тошноты, так что его стало рвать. Что скажет хозяин о таком госте и как поступит с ним?

Но дождавшись ответа, Диоген продолжал:

– Богатый и щедрый хозяин – это природа; гости – это все люди у нее на пиру. А жадный гость – это тот богач, который собирает себе еду и питье изо всех стран земных и, живя на севере, хочет, во что бы то ни стало питаться южными плодами, а зимой поедать летние овощи. Пусть каждый берет то, что лежит подле его, и ест столько, сколько нужно для утоления его голода, тогда мы все встанем из-за стола природы сытыми и здоровыми. Вот все, что произошло бы, если б все стали жить по моим правилам. И как желал бы я, чтобы поскорее настало это время!

– Не знаю, когда настанет это время, – ответил Ксениад: – но ты, Диоген, сделал, что мог для того, чтобы оно приблизилось.

Старик и бессердечный богач

Диоген вышел, раз из города Коринфа и пошел прогуляться. Пришел он к морскому берегу и видит – сидит на берегу старик и смотрит в даль, в море, точно ждет кого-то, а по щекам его текут слезы. Диогену стало жалко старика, он подсел к нему и говорит:

– О чем, дедушка, плачешь? Кого с моря ждешь?

– Ах, милый человек, как мне не плакать! Выла у меня дочка, молоденькая, лет тринадцати, единая утеха на старости моей. Красавица писанная, уж как умна и добра – и сказать нельзя. Раз вышла она на берег погулять, камушки сбирать любила. Только в это самое время пристала к берегу лодка с морскими разбойниками. Корабль их стоял, вдали от берега, в море на якоре. Дочка моя и не заметила, как они к ней подкрались да и схватили ее. Она кричать; я на крик прибежал, бросился к ним, просил, умолял их, плакал, на коленях стоял перед ними, в ногах ползал – не сжалились. Поговорили что-то между собой, один подошел ко мне и сказал:

– Мы за добычей охотимся. Дочка твоя дичина славная: мы за нее много денег возьмем, а продавать ее нам все равно кому; хочешь, и тебе продадим, уважим тебя на старости лет, подешевле возьмем, давай за нее один талант[1].

– Что вы, помилуйте! За мою-то дочь да мне же и платить целый талант!

– Как хочешь, говорят, нам все равно; продадим ее и в другом месте, у нас ее какой-нибудь царь или князь возьмет. За красоту ее много дадут!

– Так и не мог я их умилостивить. Что мне делать? Побежал я к прежнему своему барину, Херею; усадьба его здесь, недалеко. Я у него рабом прежде был, да откупился, теперь рыболовством занимаюсь. Знаю я, что у него денег счету нет. Пожалеет, думаю, отца-старика, своего слугу прежнего. Пришел к нему, повалился в ноги, просил, просил…

– Нет, говорит, извини меня, у меня нет теперь свободных денег.

Отвернулся и пошел прочь от меня. Вернулся я на берег: разбойники ждут; как увидали, что я ни с чем пришел, отпихнули лодку и поплыли в море. Я так и повалился без памяти. А очнулся, вижу – корабль чуть виднеется в морской синеве. Теперь каждый день хожу сюда да смотрю в море, все думается – не вернется ли дочка моя ненаглядная!

И старик опять заплакал.

– Жаль мне тебя, – сказал Диоген, – да помочь-то тебе не

знаю чем. Только и могу сказать, что плакать не надо, слезами не вернешь ее. Лучше займись своим делом, работа утешит горе твое. А то, может, попадется тебе другая дочка, приемная. Ты ее полюби вместо своей, и легче станет.

– Спасибо, добрый человек, на ласковом слове; но не такое мое горе, чтобы легко было его забыть.

Простился Диоген со стариком и пошел назад. Проходить ему надо было через Хереев сад, и встретил Диоген самого хозяина.

Херей иногда из любопытства приходил слушать Диогена: и видел Диоген, что Херею трудно понять его, а еще труднее переменить жизнь, потому что любит еще он свое богатство больше души своей.

Увидав Диогена, Херей обрадовался ему и ласково сказал:

– Здравствуй, учитель! Зайди ко мне; я тебе покажу новую картину.

Диоген зашел к нему. Херей показал ему картину. Видит Диоген: нарисованы три голые женщины, а вокруг них цветы и мотыльки, просто смотреть совестно. А Херей говорит.

– Ну, что, Диоген, не правда ли, прекрасная картина? А знаешь, сколько я за нее заплатил? Не дорого, только четыре таланта.

– Четыре таланта! Ах, Херей, Херей! и ты не мог дать одного таланта старику, чтобы возвратить ему его дочь из плена, а четыре таланта тратишь на такую дрянь. Да, ведь, через несколько дней эта картина тебе надоест, ты на нее и смотреть не станешь. А старик-отец все плачет и никогда не утешится.

Горько стало Диогену видеть такое бессердечие, он знал, что таких людей тысячи, и каждый из них живет страданиями многих бедняков. У Диогена душа возмутилась, и речь его полилась неудержимым потоком.

Горе вам, горе, богатые! Смотрю я на ваши палаты, сады, картины, статуи, золото, серебро и слоновую кость, на ваши игры и театры, и вижу я за ними десятки тысяч голодных, холодных людей, им негде укрыться от ненастья, потому что вы живете в мраморных палатах. Ям нечем прикрыть свою наготу, потому что вы сами и ваши рабы улестите в великолепных одеяниях, нечем насытиться, потому что вы проедаете на пиру недельное пропитание тысяч! Да что я говорю понапрасну: ведь, вам говорить все равно, что стенам – не услышите. Чего бы я не дал, чтобы мне удалось одного из вас разжалобить!

– Ты несправедлив к нам, учитель, – возразил Херей. – И мы живем не без пользы для других; подумай, сколько людей кормятся нашими затеями, сколько мы даем работы другим. Мы поддерживаем этим промышленность, художество, торговлю!

– Не говори мне этого, Херей. Ты сам знаешь, что и на пожарище можно добыть огня, чтобы засветить свою лампу, но никто не назовет пожар благодеянием. Еще бы вы не тратили своего богатства на прокормление тех, кто трудится для вашей лености, тщеславия и роскоши. Но вспомни, Херей, сколько несчастных людей совсем не могут служить твоим прихотям, сколько больных людей умирает в нищете и лишениях.

Вспомни невинную девушку, с которой срисована твоя картина. Ты бы навсегда избавил несчастную девушку от необходимости служить твоему разврату. А сколько сирот беспомощных нуждаются в попечении. Сочти, сколько тысяч людей должны нуждаться для того, чтобы один из вас мог ежегодно проживать десятки и сотни тысяч! Вам следовало бы делать добро хотя бы только для того, чтобы отвратить от себя ненависть, которую внушает людям ваша безумная расточительность. Много, много людей, несмотря на самую тяжелую работу, не могут заработать для своих детей столько хлеба, сколько вы ежедневно велите выдавать на корм собакам своим. Подумай об атом Херей, и опомнись!

Обличение лицемерия и других пороков

Так обличал Диоген не только бессердечных богачей, но и многих других, в ком видел неправду и зло.

Для своих бесед он не искал какого-либо определённого места, не требовал, чтобы ему устроили дом или школу. Выйдет на дорогу, на площадь, встретится с кем-нибудь, остановит его, заговорит с ним и скажет ему что-нибудь полезное. В это время другие подойдут, соберутся слушатели, станут его спрашивать, а он начнет их учить.

Хозяин Диогена, Ксениад, позволял ему, когда угодно отлучаться из дому, и Диоген часто ходил по разным городам; но больше всего учил народ в Афинах и Коринфе, В Афины он уходил зимой, а летом оставался в Коринфе. Он говорил сам про себя:

– Я точно царь персидский: лето провожу в одной стране моего царства, а на зиму переезжаю в другую.

Больше всего возмущало Диогена в людях лицемерие и Фарисейство, и он, не переставая, убеждал людей не прикрывать свою душевную нечистоту ни нарядными одеждами, ни богатством, ни господством и властью над людьми, ни гордостью учености и знания.

Раз Диоген увидал молодого человека в богатой, блестящей одежде. Лицо его сияло гордостью; по-видимому, он почитал себя великим. Но речи его обличали его пустоту и безнравственность. Диоген подошел к нему и сказал: «Когда я увидал тебя и затем услышал твои слова, мне представилось, что кто-то и предо мною из роскошных ножен, обделанных в золото и слоновую кость, извлек притупленный, заржавевший меч».

У греков было в обычае дарить плащ из львиной шкуры тому, кто прославился добрым делом в общую пользу.

Увидал раз Диоген одного человека, ничем не знаменитого, но надевшего на себя львиную шкуру, чтоб приобрести почет от людей. Он подошел к нему и сказал: «Зачем позоришь ты знаки добродетели! Не они убелили тебя, а ты загрязнил их».

Людей, много говорящих о честности, но не живущих честно. Диоген называл балалайками: «Бренчите вы громко, говаривал он – внутри пусты, и толку в вас никакого».

Жил в городе Афинах человек очень гордый и считавший себя праведником. Ему хотелось, чтобы никто из порочных людей не приближался к нему, хотелось огородиться от них. Он и написал

на своем дому: «Да не входит в мой дом ничего нечистого».

Диоген проходил мимо этого дома, остановился и стал разбирать эту надпись. Вокруг него собрался народ и ждал, что он скажет. Диоген громко, вслух прочитал эту надпись и, обратившись к народу, спросил:

– А как же сам хозяин входит сюда?

И ученых людей, и музыкантов, и проповедников Диоген обличал в лицемерии; он знал, что не ради пользы людей занимаются они своим делом, а для того, чтобы обеспечить свое положение.

– Вы, музыканты, – говорил он, – усердно заботитесь о том, чтобы настроить свои инструменты, хотите, чтобы они издавали хороший звук, но не думаете вовсе о том, чтобы душу свою настроить на добрые дела.

Ученым он говорил: «Вы старательно изучаете, какое несчастье постигло какого-нибудь древнего царя в его путешествиях, но своих пороков, приносящих людям много несчастий, не знаете. Вы смотрите в трубы на солнце и луну я следите за их движением, а под носом у себя ничего не видите и на каждом шагу спотыкаетесь. Вокруг вас раздаются стоны людей, умирающих с голоду и холоду, а вы на планете ищите жителей».

– Проповедники, – говорил он, – любят говорить о справедливости, а поступать справедливо не любят.

Также считал он лицемерием обряды языческого богослужения и обличал за это людей меткими шутками. Так раз зашел он в храм. Молящиеся лежали, припав лицом к земле перед изображением бога. Диоген громко сказал:

А что если Бог вдруг явится сзади вас, ведь вам будет совестно.

В другой раз Диоген поспорил с жрецом, утверждавшим, что идол, которому он служит, творит чудеса. Диоген говорил, что это неправда. Жрец повел его к храму, показал ему на множество принесенных жертв и сказал:

– Посмотри, сколько жертв принесено богине Диане за сотворённые ею чудеса, исцеления и исполнения разных прошений! Не свидетельствует ли это её могуществе?

Диоген на это возразил:

– Если б был обычай приносить жертвы за каждое неисполненное прошение, то жертв было бы еще гораздо больше!

Когда Диогена спросили раз, что в людях самое прекрасное, он ответил: «Искренность и простота. Человек с открытой душой на виду у всех. Ошибется он, добрые люди помогут ему исправить его вину и утешат печаль его. А скрытный человек таит в себе грех свой, который разъедает его душу, как внутренняя болезнь,

недоступная глазу самого опытного врача, и никто не знает, как лечить ее, и больной умирает без помощи в страшных страданиях».

И сам Диоген так и жил открыто, на виду у всех. «Пускай, – говорил он, – видят люди, каков я есть, по крайней мере, не обманутся, и если похвалят, то за должное, а побранят – так за дело».

Он не любил всякого наружного блеска, а потому доставалось от него также и щеголям.

Раз подошел к нему молодой человек, раздушенный^ завитой, напомаженный, разукрашенный золотыми погремушками, точно красная девушка, и задал Диогену какой-то вопрос. Диоген посмотрел на него, и сказал: «Не могу ответить тебе, потому что не различу, кто стоит передо мною мужчина или женщина».

Вошел, раз Диоген в дом к одному человеку ж увидал, как знакомый его наряжался и украшал свое тело. Диоген спросил его: «Для кого ты это делаешь? Если для своего брата – мужчин, так напрасно, их этим не удивишь. А если для женщин, то ты служишь разврату и их соблазняешь».

Однажды в собрании подошел к нему человек сильно надушенный; Диоген обратился к нему и сказал: «Ты заботишься о том, чтобы голова и руки твои хорошо пахли; смотри лучше, чтобы жизнь твоя не издавала зловония пороков».

Это-то в насмешку над Диогеном подарил ему банку духов. Диоген вылил всю банку себе на ноги. – «Зачем ты это сделал? спросили его. – А как же иначе? – ответил Диоген: – если бы я надушил свою голову, весь запах бы ушел вверх, и я бы его не почувствовал, а теперь от ног он поднимается к самому носу, и я буду его нюхать».

И другие пороки, и страсти в людях обличал Диоген и говорил, что подобно тому, как раб подчинен своему господину, так порочный человек подчиняется своим страстям и теряет самое дорогое сокровище души своей – свободу.

Рассуждал Диоген об истинном счастье и правильной жизни, и скорбел о том, что человек, разумная Божья тварь заблудился, потерял образ Божий, перестал быть человеком. И эту мысль он часто высказывал.

Раз, когда он выходил из общественной бани, кто-то спросил его:

– Много ли там людей?

– Народу много, а людей, настоящих людей не видал, – ответил ему Диоген.

В другой раз он проходил по площади и видел, как суетилась толпа народу на базаре; все кричали, бранились; купцы надували

покупателей; богачи сыпали деньгами, покупая себе совсем ненужные вещи, и отталкивали назойливых нищих. Диоген остановился посреди площади и закричал: «Люди, подойдите ко мне!» – Праздная толпа хлынула в его сторону и окружила его.

– Зачем вы подошли ко мне? – сказал им Диоген. – Что вам от меня нужно? Я не вас звал, а людей; а их-то между вами я не вижу.

А раз было так: он днем зажег Фонарь и пошел с ним по улицам города. Ходит, во все закоулки заглядывает, будто чего-то ищет. Остановили его и спрашивают: «Чего ты ищешь?» Он с грустью ответил: «Я ищу человека». – С тех пор и пошла поговорка, когда хотят сказать: «редкий человек, другого такого не найти», про него говорят: «такого человека днем с Фонарем не сыщешь».

Когда же насмехались над ним и ругали его, он часто остроумным словом останавливал насмешку и обращал ее на того, кто хотел над ним посмеяться.

Один плешивый человек стал ругать его на площади и насмехаться над ним. Диоген сказал ему:

Я на тебя не сержусь, но хвалю твои волосы за то, что они ушли с такой плохой головы.

И во многих других случаях он удивлял своею проницательностью и умом.

Его спросили раз: «Какие есть на свете самые кровожадные звери?» – Он отвечал: «В горах и лесах – львы и медведи, в городах – откупщики и доносчики».

Раз Диоген просил милостыни у одного богача, но тот отказал ему. Кто-то из видевших это и знавший, что Диогену нередко отказывают, спросил его: Почему это некоторые люди охотно подают милостыню калекам и нищим и отказывают мудрецам?»

– Должно быть оттого, – ответил Диоген, – что эти люди боятся сами стать калеками и нищими, но знают, наверное, что мудрецами они не станут никогда, а потому и не жалеют их.

Диоген зашел к богатому человеку на пир; ему налили там большой кубок вина. Диоген взял его и вылил на пол. И хозяин, и гости напустились на Диогена, зачем он даром погубил столько дорогого вина. Диоген отвечал им на это. – «Если бы я его выпил, оно так же погибло бы, да еще и меня бы попортило. А теперь оно погибло, не причинив мне вреда».

У греков было в обычае награждать того, кто вышел победителем на скачках или в кулачном бою, – лавровым венком. Раз в собрании народа Диоген надел на себя такой венок. Это было нарушением Закона и обычая, и многие стали ругать его за

то, что он преступает закон.

– Почему же другим вы надеваете венки, а мне не хотите позволить носить его? – спросил их Диоген.

– Потому что ты не победитель, – отвечали ему.

– Разве вы не знаете, что я тоже победитель, – сказал Диоген. – Вы награждаете победителей на скачках и в кулачном бою, но ведь там борются из-за корысти и честолюбия. Я же без этих низких целей победил гораздо сильнейших врагов во имя правды. Я в самом себе победил рабство и завоевал свободу; я одолел гнев и позор; пересилил болезни, жадность и страх, наконец, я победил самое опасное и неприступное животное, лукавое и гордое, я победил «наслаждение».

Много сохранилось таких рассказов и метких слов Диогена. Здесь приведены только некоторые из них.

Как Диоген защитил невинного

Лежал раз Диоген под деревом, скрываясь от зноя, и размышлял о жизни. И видит, идет к нем человек. Сначала досадно стало Диогену. «Помешает он моему любезному занятию», подумал так про себя – и устыдился. – А какое я право имею, – сказал он себе, – досадовать, что ко мне гость идет? Разве гость может знать, что мне сейчас не хочется говорить с ним? Ах ты, Диоген, Диоген, сын Ицессия, много еще тебе, дураку, учиться надобно!»

Он часто так останавливал себя, когда ему в голову приходила какая-нибудь скверная мысль.

А человек, между тем, подошел ближе, здоровается. Это был Клиний, богач н кутила. Доставалось таким людям от учителя. Знал он, скольких слез стоило их веселье.

– Как поживаешь, Диоген? – спросил Клиний.

– Ничего, живу понемножку, – отвечал Диоген.

– Я хочу е тобой посидеть.

– Садись, коли другого дела нет.

– Да вот же и нет другого. Ах, нет, забыл, есть дельце: надо бы в город на площадь идти.

– Зачем?

– Да там сегодня одного человека, ни в чем не повинного, засудит хотят. А жена его вчера ко мне приходила, защиты просила. Я того человека хорошо знаю.

– Так что ж ты думаешь?

– Да так, не охота. Вчера пообещал, а сегодня раздумал.

– Как раздумал? Как не охота! Ведь человек-то погибнет.

– Ах, Диоген! знаешь, я вчера был на пиру у приятеля, ну, выпил лишнего, теперь с похмелья голова как чужая, мысли путаются, никуда я не годен. Да, вчера она меня разжалобила, так умильно просила. С ребятишками двумя приходила. Пожалей, говорит, их-то, ведь по миру пойдем, как отца засудят. И ребятишки захныкали к матери прижались, – даже меня слеза прошибла. И баба такая пригожая. Ну, слаб человек, я ей того, намекнул, что от тебя, мол, сударыня, зависит. Так нет, озлилась. – Прощай, говорит, не поминай лихом. А нам, говорит, видно, судьба такая, помереть придется.

– Что ты, Клиний, опомнись! – вскричал Диоген. – Неужели в такое время, когда пред тобой мать с малыми детьми плакала, ты об этаком деле подумал?!

– Ну, ну, ты все меня учить хочешь, а мне теперь совсем не до этого. Пойду, погуляю, тут у меня приятель живописец: такую мне

картину пишет, что просто загляденье! Не хочешь ли, Диоген, и ты посмотреть? Пойдем со мной!

– Нет, брат, спасибо, ты у меня все нутро повернул, теперь у меня из головы не выйдет эта семья. Подумай, Клиний, легко ли?

Богач ушел, а Диоген остался сам не свой; ребятишки плачущие, за отца просящие, так и стоят перед глазами, покоя не дают.

«Эх, бедняга, – думает он, – не пойти ли мне попытаться защитить его? Хотелось бы пособить, да на одном хотении далеко не уедешь. Я не начальник судьям, знакомства не вожу с ними, на меня и не посмотрят… Нет, все-таки пойду, попытаюсь!»

И пошел Диоген в город. Приходит на площадь, суд еще не начинался. Увидал он одного из судей, подошел к нему и попросил рассказать, в чем состоит дело.

– Да, жаль человека, – сказал судья: – ни за что пропадает. И вина-то вся выеденного яйца не стоит.

– Что же он сделал?

– Да были у него деньги казённые на храненье сданы. Человек он твердый, честный, зря не швырял ими. Ну, забрала одного человека на него зависть: захотелось ему погубить его. Пришел к нему с Фальшивой запиской от управы; в записке говорилось, что требуются деньги по казенной надобности. Тот по простоте и отдай, а деньги-то в трубу улетели. Тут другие приятели выискались, давай казну поверять – не хватает, – ну и засадили его, сегодня покончат.

Еще жальче стало Диогену несчастного.

«Что моей силы хватит, буду отстаивать, – сказал он себе. – Иной раз, как начну говорить, у меня хорошо выходить».

Начался суд. Привели заключённого. Он стоит, робеет, слова выговорить не может; чует, что не ради правды собрался суд, что помешал честный человек разбойникам. Не уйти воробью от стаи коршунов.

Обсудили дело судьи и, для порядка, вызвали защитника.

– Кто скажет слово в его оправдание?

Тогда выступил Диоген и обратился к судьям.

– Господа судьи, – начал он, есть ли в вас совесть? Ведь вас хотят заставить загубить человека, ни в чем не повинного. Посмотрите, вот жена его, молодая хозяйка, стоит, а ребятишки за платье её держатся, взгляните-ка, ведь на них люду нет!

И затих говор на площади, и опустили головы судьи. А Диоген продолжал, и рассказал все, что знал он доброго об этом человеке, просил, умолял судей смиловаться, показать справедливость свою. Не словами он донял их – чистым сердцем своим, любовью, которая чувствовалась в его словах. Растопил он

этой любовью железные сердца их и победил противников.

Стали совещаться судьи, и оказалось большинство на стороне несчастного. Старший судья объявил, что подсудимый оправдан.

Бросились жена и дети к нему, обнимаются. Народ загалдел, зашумел, а Диоген, сделавши свое дело, вышел из толпы да потихоньку выбрался из города и пошел домой.

Легко и радостно было у него на душе. В тот вечер он был счастлив так, как никогда не бывал.

Диоген и Вакхид

Раз Диоген пошел в рощу, стоявшую на морском берегу. Идет Диоген по этой роще и видит: сидит на дороге человек, бедно одетый, и принимается ужинать.

Развернул человек котомочку, вытащил хлебца сухого да корешков каких-то и принялся жевать.

«Что за чудо?» – думает Диоген, всмотрелся пристальнее и вспомнил, что видел и знавал этого человека еще в Афинах.

Знал Диоген, что было у этого человека богатство несметное, и жил он с безумною роскошью. Не помнил, как его звали и поздоровался:

– Здравствуй, Вакхид. Ты куда это?

– Я, я, Диоген! Вот хорошо, что мы встретились. Ведь я иду к тебе из Афин, хочу поступить в твою школу.

– Да у меня нет школы.

– Ну, что ж, я буду твоим первым учеником.

– Да чему тебе учиться от меня? Когда я уезжал из Афин, ты был так доволен и счастлив.

– Ах, Диоген, это время миновалось; видишь, я нищий прошу тебя, научи меня, как мне теперь стать счастливым?!

– Куда же девалось твое богатство? С тобою случилось какое-нибудь несчастье?

– Нет, несчастья со мной никакого не было, в 10 лет я прожил все, что получил в наследство. Зато как я жил! Ты помнишь, Диоген, ведь я был первым богачам в Афинах, у меня были дома, поместья, Фабрики, заводы, свои корабли, а в доме, где я жил, какие у меня были статуи, картины, сколько золота и драгоценных камней. Рабы и рабыни исполняли всякую мою мечту! Сколько людей мне завидовало! Я наслаждался всем этим, сколько мог, и потратил все мое богатство на великолепие, пышность, на праздники и пиры. За то теперь отчаяние берет, когда подумаю, что со мною будет!

– Ну, а когда ты так швырял деньгами во все стороны, ты, верно, много нажил себе друзей?

– Друзей? Да, у меня было много друзей тогда, когда я пировал с ними, а теперь все от меня отступились. Помоги мне хоть ты, Диоген; научи, что мне делать?

– Что ж мне с тобой делать, Вакхид? А хотел бы ты, чтоб тебе опять вернулось твое богатство?

– Еще бы, конечно! Только разве это возможно?

– Можно-то можно, только если так, то жалею тебя: трудно тебе стать счастливым.

– Да кто же мне возвратит мое богатство?

– Трудом, прилежанием, умеренностью можно все добыть. Золото в земле лежит. Копай и найдешь.

– Так-то, так, Диоген, да беда в том, что копать я не люблю. А если б и захотел, не умею. Всякой работе надобно научиться, а я ничему ее учился.

– Ну, так поступи куда-нибудь на службу, тебя возьмут, – ведь ты знатного рода.

– Куда же я поступлю? Хорошего, высокого места мне не дадут, ведь и для этого надо что-нибудь знать, а маленького я и сам не возьму. Вот еще – чтоб я стал на посылках бегать у какого-нибудь жирного барина! Нет, лучше в каторгу пойду, а туда не согласен!

– Ну, не много же тебе осталось честных путей добывать себе хлеб насущный!

– Все это я знаю, Диоген, и не о том прошу тебя; научи, как в этом моем положении стать счастливым, как в нужде счастливо жить, как быть таким бедным и вместе с тем таким счастливым, как ты, Диоген.

– Я счастлив, это правда, Вакхид, но в нужде трудно быть счастливым; ты забываешь, что я не бедняк, а богач, я богаче всех богачей всего мира, по – тому что у меня всегда больше, чем мне нужно, и я никогда ни в чем не нуждаюсь. Мне нужно так мало, что я везде нахожу то, что мне нужно, и никогда не чувствую нужды. Посмотри на меня, – ты видишь, что я здоров и крепок, – это оттого, что мне мало нужно! Я помогаю рабам в трудной работе, чтобы потратить излишек силы.

Вакхид удивленно посмотрел на Диогена.

– Тело, – продолжал Диоген, – это орудие для работы нашей души. Нужно смотреть, чтобы оно было исправно. Тогда и душе легче работать. А работы ей много. Сочувствие друга помогает ей. А друга можно найти в человеке только тогда, когда ни ты от него, ни он от тебя не ожидает подачки. И это мне сделать легче, чем кому-нибудь другому. И у меня есть друзья, и они утешают меня.

– Это все так. Диоген, а все же погляжу на тебя – кормишься ты бобами да кореньями, одет в дерюгу, а живешь, говорят, в конуре.

– Зато у меня есть и дача. Хочешь жить со мною, – летний дом у меня по просторнее. Вот здесь недалеко, на морском берегу есть пещерка, я там ночую. Славно там ночью бывает: воздух такой легкий, в соседней роще соловьи поют, а вдаль посмотришь – синеет море бесконечное. Волна прибойная все шумит, напевает какую-то жалобную песню. Хорошо там, пойдем постель мягкая;

я тебе сухих листьев подкину. Стол каменный для закуски. Пойдем.

Поморщился Вакхид, а делать нечего, некуда деться; согласился. Пошли.

Недолго они пожили вместе. В первую же ночь Вакхид не мог ни на минутку заснуть. Ворочался с боку на бок да вспоминал, как он спал на лебяжьем пуху да на мягких подушках.

Поутру встали. Надо завтракать. Диоген пошел, набрал ягод, вытащил хлеба из котомки, сам поел и гостя угостил тем же.

Вакхид пожевал, – не вкусно. Диоген насытился, а Вакхид только вздыхает о своих прежних обедах.

«Ну? – думает Диоген, – недолго поживет здесь мой гость-ученик. Не по нем придется мое учение».

А все-таки попробовал, поговорил с ним о том, как бы ему теперь начать жить. Да только плохо слушал его ученик, так Диоген и бросил.

«Не того, – думает, – ему надо».

Вблизи пещеры, где жил Диоген, на морском берегу стояла рыбацкая хижина. Жил в ней рыбак с женою и тремя дочерями. Вышли Диоген и Вакхид из пещеры, и пошли по берегу моря. А дочери рыбацкие в то время у хижины сидели, невода чинили. Увидал их Вакхид, и откуда прыть взялась.

– Пойдем – говорит, – поскорее, мне хочется на этих красавиц поближе взглянуть, – и глаза у него заблестели.

«Ах ты, старик беспутный! – подумал Диоген. – Ну, не научится тебе жить, по-моему, коли ты еще этих глупостей не бросил».

Вакхид побеседовал с девушками, отца дома не было, потом пошел с Диогеном в город Коринф; Диоген вернулся к своему господину Ксениаду, а Вакхид стал шляться по городу.

К вечеру Диоген опять пришел в свою пещеру.

Вакхид сидит там, его дожидается; как увидел Диогена, вскочил, кинулся навстречу, кричит весело:

– Ну, Диоген, я себе веселое занятие нашел!

– Что такое, какое занятие?

– Да встретил я в Коринфе раба одного, по одежде вижу, что богатого господина раб; я с ним познакомился, разговорились мы, он и рассказал мне, что послал его молодой барин найти комнату на ночь, – покутить захотелось с приятелями. А отец-то у него строгий. На эту ночь он по делам уехал. Раб весь город исходил, не нашел подходящей комнаты. Ну, вот, я и предложил ему услужить. И привел его к этой рыбацкой хижине. Отец у них на ловлю дня на три уехал. А мать с дочерями охотно пускают: вот мы и уладили дельце. То-то будет веселье на славу! Старое время

вспомним!

– Прощай, Вакхид! – с грустью сказал Диоген. – Теперь я тебе больше не нужен; по этой дороге я не могу провожать тебя. Я тебе не товарищ. Жалею, что ты отнял у меня мой летний дом. Теперь мне стыдно будет прийти сюда. Прощай, не поминай меня лихом!

И Диоген вернулся в Коринф.

Беседа Диогена с Филомедоном о труде и богатстве

Диоген обличал богачей за их роскошь и праздность; они сердились на него, уходили от него, но правдивые речи нередко доходили до совести, и они опять возвращались и снова заводили с ним споры.

Так пришел раз к нему богач Филомедон. Диоген уже не раз беседовал с ним, и вот он опять пришел, хотелось ему доказать Диогену, что и такие богачи, как он, достойны уважения.

– Неужели ты думаешь, Диоген, что жизнь моя пропадет даром?

– Не знаю, – отвечал Диоген: – только я полагаю, что каждый бедный чернорабочий, например, водовоз, достоин уважения больше тебя.

– Как так? Почему? – воскликнул Филомедон с негодованием.

– Не сердись, Филомедон: меня этим не испугаешь. Я говорю тебе правду, – продолжал Диоген. – Хотя ты очень самолюбив, а все-таки увидишь разницу между тобой и рабочим. Водовоз очень беден, – вы, богачи, презираете его, – а все-таки он служит людям, приносит им пользу. А ты, какую пользу приносишь людям? Я вижу на лице твоем морщины гнева, – зачем? Оставь это, давай лучше дружески побеседуем. Ты проживаешь ежегодно до сорока талантов, это составляет больше ста рублей в день.

– Ну, что ж, – перебил его Филомедон и тебе желаю того же, и ты сам виноват, что не хочешь разделить со мною хлеб-соль, я давно приглашал тебя быть моим застольным товарищем, но ты слишком горд и всегда отказываешься.

– Нет, я не горд, Филомедон, а спокоен, не хочу и не могу предаваться страстям. Я свободен от этих страстей, и свободу свою я не променяю ни на какие сокровища мира.

– И я, Диоген, не чувствую себя рабом. Богатство валится мне, как будто с неба, я только не отталкиваю его от себя и наслаждаюсь им, и в этом я сам себе господин, так же, как и ты.

– Нельзя сравнить меня и тебя. Вед все, что ты истребляешь, – у кого-нибудь отбирается. А я почти ничего ни у кого не беру.

– Но мои доходы принадлежат мне по праву.

– Да если б даже ты имел право владеть всем этим богатством, сколько же ты должен отдавать людям во имя простой справедливости? Сколько льгот, сколько разных выгод и прав дает тебе твое богатство! Чем же платишь ты людям, дающим тебе все это?

– Но ведь и ты, Диоген, получаешь от людей много выгод. Чем же ты расплачиваешься с ними?

– И в этом между нами большая разница. Посмотри на меня, чем пользуюсь я от людей. Мне нужно только, чтобы мне позволили дышать свежим воздухом, пить чистую воду, да не давали бы мне умереть с голоду, а для этого, ты знаешь, как мало мне нужно. Одежда тоже у меня не роскошная, и я уверен, что люди, и в этом числе мои сожители, коринфяне, по своей доброй воле позволили бы мне носить такую одежду. Если у меня отнимут эту последнюю мою одежду, я останусь голый, и вид моей наготы заставит первого встречного прикрыть мое тело какой-нибудь дерюгой, и я опять буду одет. Если я буду страдать от голода, то самый вид моих страданий возбудит жалость в людях, и они накормят меня, и я буду сыт. В этом я уверен, и потому спокоен, и считаю себя вполне обеспеченным. Для того, чтобы достигнуть такого спокойствия, нужно иметь как можно меньше, так мало, чтобы у каждого бедняка было больше, чем у тебя, чтобы никто не мог завидовать тебе. Только тогда ты будешь счастлив. Теперь взгляни на себя, Филомедон: чего ты требуешь от людей? Ведь ты был бы недоволен, если б люди давали тебе то же, что и мне. Ты требуешь от них гораздо больше. Одни из них должны пахать твои нивы, другие стеречь твои стада, а иные работать на твоих Фабриках, ткать и шить твои дорогие одежды или ковры, которыми ты устилаешь свои комнаты и потом топчешь ногами. Ты требуешь, чтобы люди готовили кушанья, разводили виноград, а ты упиваешься его соком. Ты требуешь, чтобы люди разыгрывали перед тобой комедии и трагедии и пели твои любимые песни… Одним словом, все, что тебе требуется, – а сколько у тебя потребностей! – все это должны доставлять тебе другие. Ты один, валяясь, ничего не делаешь, ничего, кроме того, что ешь, пьешь, танцуешь, целуешься, спишь и повелеваешь, и все это ты делаешь силою твоих сорока талантов, также отнятых от тех же людей. Как же велики, должны быть твои обязанности к людям, а ты о них и не думаешь! Тебя больше занимает то, какие кушанья подадут тебе сегодня за обедом.

– Но ведь ты забываешь, Диоген, что все это делают для меня или рабы, и я их за это кормлю, или вольные, – и я им за это плачу по уговору.

– Так, но только не забывай, что не ты делаешь им благодеяние, давая деньги, а они, работая на тебя.

Ты считаешь рабов своею собственностью, а ведь они такие же люди, как и ты, и только сила или нужда заставляет их подчиняться твоим прихотям. То же самое и с наемниками. Тебе кажется, что между наемниками и тобою совершается свободный

договор, по которому ты даешь им плату, а они дают тебе произведение трудов своих. Не обольщай себя! Это тоже рабство, только вместо кнута, которым заставляют работать невольников, здесь действуют деньги. Они бьют иногда больнее кнута. Тебе от нечего делать скучно, у тебя нет постоянной работы для добывания хлеба, он готовый валится тебе в рот, и ты, чтобы рассеять скуку, выдумываешь себе разные затеи, желания твои скоро исполняются, ты уже давно пресытился, и теперь ты разжигаешь страсти и для этого изобретаешь новые забавы. Когда совесть твоя подает голос свой, ты стараешься заглушить ее и для оправдания себя доказываешь, что твои затеи приносят людям пользу, и ты одною рукою разоряешь и развращаешь окружающих тебя людей, а другой рукой навязываешь им как будто благодеяния, но такие, о которых тебя никто и не просит. А что, если ты каким-нибудь образом очутишься в положении человека, которому нужно добывать себе хлеб? Ведь это может случиться с каждым. Что тогда ты станешь делать? Ведь ты пальцем не умеешь пошевелить без помощи слуги. Подумай обо всем этом же реши, кто приносит больше пользы не только людям, но даже себе: ты или простой водовоз?

О правах и обязанностях человека к своему обществу

Филомедон сильно призадумался, когда прослушал слова Диогена, а потом опять заговорил. Когда люди чувствуют, что им говорят правду, и они не знают, что возразить, они часто вместо возражения говорят: а ты сам что? Отчего не делаешь того, что говоришь? Так поступил и Филомедон.

Когда Диоген доказал ему, что водовоз гораздо полезнее его, он спросил Диогена:

– Ну, а сам чем хотел бы ты быть? Водовозом или таким богачам, как я?

Диоген ему ответил:

– Ни тем, ни другим, потому что я доволен своим положением.

– Но ведь и я могу быть доволен своим положением. Зачем же ты указываешь мне на водовоза и советуешь брать с него пример, а сам не подражаешь ему? Ведь и ты не приносишь никакой пользы людям: ты не занимаешься ни художеством, ни ремеслом, ни наукой, ты не пашешь землю, ничего не сеешь, не состоишь ни в какой должности, и детей у тебя нет, значит и в этом ты бесполезен. Чем же ты оправдываешь себя?

– О пользе моей потом поговорим, а пока скажу только, что опять нельзя сравнивать меня и тебя; я прошу от моих сожителей коринфян и других греков и от всех других народов всего мира только одного, чтобы мне позволили жить, как и я не мешаю им жить. А не требую я ничего больше потому, что у меня нет ничего. У меня нет поместья, нет доходов, и потому я не нуждаюсь в покровительстве сильных.

– Ну, а родине твоей, городу Синопу, неужели ты ничем не обязан?

– Не вижу разницы между Синопом и Коринфом, где я теперь живу, или другим каким местом. Надо же мне было где-нибудь родиться, и то, что я родился в Синопе, а не в Афинах и не в Риме – это простая случайность.

– Но ведь ты воспитывался и учился в Синопе, значит все-таки получил от него кое-какие выгоды.

– Выгодным можно назвать только хорошее воспитание, а я не могу похвастать своим: оно меня едва не погубило. Настоящее воспитание я получил в Афинах от моего учителя Антисфена, но ведь и он жил в Афинах впроголодь, так что и за это нечего расплачиваться: а больше всего я считаю себя обязанным

собственному опыту.

– Но ведь твои родители и предки все были синодами, так что ты весь принадлежишь Синопу; ты член или гражданин этого общества, и потому оно может требовать от тебя исполнения разных обязанностей.

– Нет, это не так; то, что предки мои были гражданами Синопа, не обязывает меня быть тем же. Человек не по рождению делается гражданином или членом какого-нибудь общества. Природа производит детей своих свободными, – независимыми, равными, только с одною обязанностью – сочувствия человека к человеку. Членом или гражданином какого-нибудь особого общества делается человек только тогда, когда он требует от этого общества каких-нибудь выгод себе, когда он становится под его защиту. Я не ищу защиты, не требую ничего ни от какого общества, и потому не называю себя ни гражданином Синопа, ни Афин, ни Спарты, я гражданин всего мира!

– А что значит гражданин всего мира?

– Это значит такой человек, который, как я, не принадлежит никакому отдельному обществу, а считает всю землю своим отечеством и всех людей своими соотечественниками или, еще лучше, – своими братьями, как бы ни отличался он от них по месту, где они живут, по говору, по пище и одежде и по другим обычаям жизни. Такой человек считает своею обязанностью помогать всякому, кто нуждается в его помощи, а если он не может помочь ему, то все-таки не перестает сострадать ему. Он старается предостеречь человека от опасности, когда видит его заблуждающегося, и радуется с тем, кто наслаждается жизнью.

Суеверия, пристрастия, корыстные намерения и другие пороки всегда присущи нам, когда мы считаем себя принадлежащими к какому-нибудь особенному обществу, и боимся уронить себя в его мнении, и рабски следуем многим его нелепым обычаям. Что в таких обществах считается за высокую добродетель, то перед судом разума представляется мерзким пороком. А тот, кому одно общество или государство ставит памятник, тот в летописях другого государства предается потомству на поругание, как человек неправедный и злой.

Один только гражданин всего мира может питать ко всем людям склонность чистую и одинаково ко всем справедливую. Горячее сердце его, не ослабевая от пристрастия, тем сильнее бьется при каждом побуждении на всякое благое дело ради человечества. Его благоволение распространяется на всю природу. Он с нежностью смотрит на источник, утоляющий его жажду, на дерево, в тени которого он отдыхает, и первый, кто к нему подсядет, какого бы он ни был племени, будет ему

земляком, а если еще при этом сердце сердцу откликнется, то – и друг.

И такое отношение к людям с избытком вознаграждает его за лишение, каких бы то ни было общественных прав и наград.

Такой человек привык, кроме самого необходимого, находить ненужным все прочее, что кажется необходимым людям, избалованным покоем и роскошью, и потому такому человеку легко ужиться везде, и он никому не будет в тягость. Вот кого я называю гражданином мира, и стараюсь сам быть таким.

Ты и подобные тебе люди считают меня бесполезным. Но вы сами виноваты в этом я вам кажусь бесполезным только потому, что не льщу вашему честолюбию, не укрепляю вас в ваших глупостях и не толкаю вас вперед по пути, ведущему вас к погибели. Безумные, слепые люди, подумайте: разве не пользу приношу я вам этим самым обличением.

Диоген и Александр Македонский

Диоген был уже стар, когда у македонян, соседнего с греками народа вступил на престол знаменитый царь Александр, сын Филиппа. Молодой царь был очень воинственный и сейчас же отправился воевать. Ему в голову пришла гордая мысль покорить весь мир и одному властвовать над всеми. Этими мыслями он отправился в путь, собрав хорошо в оружейное войско. Ему сильно повезло на войне, он стал покорять города за городами и всюду наводил страх своим пришествием. Одними из первых подчинились ему афинские и коринфские греки.

Когда он подошел к городу Коринфу, в окрестностях которого жил Диоген, многие из коринфских ученых и мудрецов, желая заслужить милость царя Александра, пришли к нему на поклон и восхваляли его всякими льстивыми речами.

Александр уже много слышал про мудреца Диогена и ждал, что и он придет к нему на поклон; но Диоген не нуждался в милостях царских и не пошел к Александру.

Александр пробыл несколько дней в Коринфе и, не дождавшись Диогена, решился сам навестить его.

Диоген лежал в саду под деревом, а солнце грело его старое, но еще крепкое тело; он приятно подремывал и вдруг почувствовал, что кто-то заслонил от него солнце, и оно перестало его греть. Он открыл глаза и увидел перед собою красивого юношу, окружённого придворною свитою. По пышной одежде и царским украшениям, Диоген догадался, кто стоит перед ним, но нисколько не смутился. Он продолжал лежать, смотрел на Александра и ждал, что скажет ему этот нежданный гость.

– Ты ли тот Диоген, о котором я слышал по всей Греции так много удивительных рассказов? – спросил, наконец, Александр.

– Да, я тот самый Диоген. А ты, верно, Александр, сын Филиппа Македонского?

– Да, ты угадал.

– Что ж тебе от меня нужно? – спросил еще Диоген.

– Я все ждал, что ты придешь ко мне в гости, и вот, не дождавшись, сам явился к тебе.

Александр думал, что Диоген станет благодарить его за оказанную ему честь, но Диоген ничего не ответил. Тогда Александр сказал:

– Не могу ли я услужить тебе чем-нибудь? Проси у меня, чего хочешь; все, что в моей власти, я исполню по твоей просьбе, – я глубоко почитаю великих мудрецов!

– Если хочешь оказать мне услугу, отвечал Диоген, – отойди от солнца, не затемняй его свет и теплоту; оно так приятно греет мое старое тело.

Александр отступил в изумлении. Отступили в страхе и придворные, ожидая царского гнева за дерзкий ответ мудреца. Но Александр не рассердился, на лице его выразилась грусть, и он спросил Диогена:

– Неужели, кроме этого, я ничего не могу для тебя сделать?

– Мне больше ничего не нужно от тебя, – отвечал мудрец.

Александр протянул руку к Диогену и сказал:

– Прощай! Я должен сдержать свое обещание, не буду мешать солнцу согревать тебя.

Потом, обращаясь к своим придворным, царь сказал:

– Пойдемте, нам здесь больше нечего делать.

Он ушел; за ним последовали его приближенные. Дорогой Александр был задумчив и молчал, а придворные громко выражали неодобрение поступку Диогена и возмущались его дерзостью. Вдруг Александр обернулся и сказал:

– Замолчите, и знайте, что если б я не был царем Александром, я желал бы быть Диогеном.

Александр был очень умен и хорошо понял слова Диогена. Он понял, что его богатство и власть ничего не могут дать Диогену, – что Диоген не только не завидует ему, но считает себя сильнее и богаче его, царя, потому что ему ничего не нужно, – что Диоген, прося его отойти, не загораживать солнца, не только это просил, но он хотел сказать этим, что царская слава и все так называемые великие торжественные дела его, совершаемые в пышности и блеске, затемняют свет простого, истинного солнца правды.

Понял все это Александр и задумался; но честолюбие и стремление к человеческой славе были так сильны в нем, что слова Диогена не принесли плода.

Однако, Александру еще раз захотелось увидеть Диогена, и он пришел к нему ночью один, стыдясь своих приближенных. Ему хотелось уговорить Диогена следовать за ним в его военных походах. «Такой замечательный мудрец был бы хорошим украшением моей свиты, – думал Александр, да кроме того, он был бы полезен мне тем, что не стал бы кривить душой, и говорил бы мне правду».

И вот однажды он опять пришел к Диогену, один, без свиты, и стал его просить об этом. Но Диоген знал, что, находясь при дворе, среди роскоши и великолепия, он лишится самого дорогого ему, – свободы, и наотрез отказал царю в его просьбе.

– Жаль, – отвечал Александр, ты бы мне помог в исполнении моего намерения.

– А какое твое намерение?

– Да мне тесно показалось в моем царстве Македонии. Я иду воевать и хочу покорить себе всю Грецию, Малую Азию, Армению, Мидию, Индию, – одним словом, всю землю. Ведь вся земля состоит из одного куска, так и нужно, чтобы над нею был один правитель.

– Но если тебе тесно в Македонии и ты идешь покорять соседние страны, так ведь тебе и вся земля тесной покажется, когда ты ее покоришь, и тогда тебе придется строить мост на луну и на солнце, чтоб завоевать весь мир.

– Нет, зачем желать невозможного, а мое намерение легко исполнимо.

– Ты молод, умен и храбр, войска тебе легко подчиняются, очень может быть, что тебе и удастся завоевать все царства; но скажи, что ты с ними будешь делать?

– А я и об этом подумал: я построю в пустынных местах новые города и села, соединю их удобными дорогами; в новые селения привлеку жителей из тех мест, где их много, дам всем подданным моим новые лучшие законы. Все они будут говорить одним языком, и я заведу у них наши науки и художества. А чтобы легче было управлять всем этим, посреди моих владений я построю большой город, и он будет моей столицею. И тогда я устрою порядок, а всем будет хорошо жить на земле. Я чувствую, и то мне на это даны силы и способности от богов.

– И долго ты думаешь так царствовать? – спросил его Диоген.

– Не знаю, но что ж, если я скоро умру, дело мое будут продолжать мои наследники, если будут того достойны. А если даже с моею смертью и рушится все и то предприятие, я все-таки одним намерением своим ставлю после себя бессмертную славу.

– Но ведь ты хочешь, Александр, подчинить своей иной власти сотни миллионов людей, ведь это нелегко. Только придется тебе пролить человеческой крови, пока достигнешь этого, подумал ли ты об этом?

– Да, жаль, много голов погибнет, без этого не обойдется; но это не может меня остановить. Люди плодовиты, народятся снова.

– Вижу, Александр, что ты воодушевлен пылкою страстью, и разубеждать мне тебя было бы бесполезно. Но вот тебе мой совет: не забывай, что не все благословляют тебя, а многие проклинают, не забывай, что последний твой раб так же чувствителен к боли и удовольствию, как и ты сам, и что ты во всем твоем царском величии так же немощен, как и он. Помни, что стоит только одному из твоих воинов пустить стрелу, или одному из твоих прислужников капнуть каплю яда в твое питье, чтобы разлетелись в прах все твои замыслы. Тебя окружают льстецы. Они станут

воздавать тебе божеские почести, и тот самый час, в который ты впадешь в искушение и поверишь, что ты более, чем простой смертный, будет часом твоей погибели.

Александр внимательно слушал слова Диогена, и они глубоко затронули его молодую душу. Ему хотелось хоть чем-нибудь отблагодарить мудреца, и он с сожалением воскликнул:

– Неужели же я в самом деде ничего не могу для тебя сделать, Диоген?

– Мне ничего не нужно. Но ведь ты знаешь, сколько под твоею властью есть страдающих и угнетенных. Если хочешь сделать мне приятное, облегчи, на сколько можешь, их бедственную участь.

– Ты счастлив, Диоген, что ничего не желаешь, но прими хотя мою дружбу!

– Прости меня, Александр, но я не могу не сказать тебе того, что думаю. Царь не может быть другом р не может иметь друзей.

– Диоген, если бы я побыл дольше с тобою, то чувствую, что я остался бы жить с тобою в твоем шалаше. Но для мира довольно одного Диогена.

– Этого я не знаю, но знаю, наверное, что мир погиб между двух Александров.

– Ты прав, старик, прощай!

И они навсегда расстались.

Старость и смерть Диогена

Так и состарился Диоген на своем учительстве, и стал чувствовать приближение смерти. Он никогда не боялся её и с твердостью духа ожидал её пришествия.

Иногда ученики его разговаривали с ним о смерти и спрашивали его, не боится ли он её прихода. На это Диоген отвечал им: «Как же можно бояться смерти, когда никто никогда не видал её?»

Другие ученики, споря с ним о смерти, называли ее злом, Диоген возражал им:

– Ведь никто никогда из живых людей её не знал, почему же вы ее называете злом?

Спокойно переносил Диоген и угрозы людей, хотевших убить его.

Так, раз правитель города Афин за смелое слово, сказанное Диогеном, размахнулся на него и крикнул: «Я убью тебя!»

Диоген спокойно отвечал ему: «Убить ты меня можешь, только этим ты никого не удивишь, потому что скорпион или какая-нибудь гадина и даже ядовитое растение могут сделать то же самое».

Когда Диоген состарился, и силы его стали слабее, один из учеников его, не понявший, как следует, его учения, стал его уговаривать бросить свою бездомную жизнь и хотя под старость успокоить себя в доме своего приятеля. Диоген с грустью отвечал ученику: «Я почти добежал до цели, неужели теперь, когда уже осталось так мало, ты хочешь, чтобы я остановился и погубил работу всей моей жизни?»

Видя его нищету и бездомность, кто-то спросил его:

– Подумал ли ты о том, кто тебя похоронит?

Диоген отвечал ему:

– Тот, кому понадобится моя квартира.

Раз Диоген услыхал, что один человек печалится о том, что ему не придется умереть на своей родине.

Диоген с усмешкой сказал ему:

– Глупый, не все ли тебе равно, в какой яме будет гнить твое тело?

Смотря, как убирали тело покойника, натирали пахучими мазями и обкуривали разными духами, он говорил:

– Странные люди! при жизни, когда нужно пользоваться здоровым телом, они изнуряют его невоздержанием в разных похотях, а когда умрут, и тело им станет ни на что негодно, они стараются сберечь его навсегда.

Его спрашивали, что делать с его телом, когда он умрет? Он отвечал:

– Положите около меня палку, чтоб я мог отгонять от себя хищных зверей.

– Да, ведь, ты ничего не будешь чувствовать, возражали ему. Как же ты будешь действовать падкой?

– Так зачем же вы меня спрашиваете? Если я не буду чувствовать, «то не все ли мне равно, что будет с моим телом. Пускай его съедят собаки, по крайней мере, моя смерть принесет им пользу, а если они не удостоят меня такой почести, то погребение мое будут совершать солнце, ветер и дождь. Любой царь позавидует такому почету.

Диоген дожил до глубокой старости, когда он умер, ему было 90 лет.

Раз утром ученики Диогеновы пришли, по обыкновению, к его жилищу. Он лежал завернутый в свой плащ и как будто спал. Ученики удивились, что Диоген спит так долго, чего с ним никогда не бывало. Они подождали немного, наконец, решились сдернуть с него плащ, и к большой горести своей нашли учителя мертвым. Они так верили в силу его духа, что между ними сложился рассказ, что Диоген умер добровольно, т. е. только потому, что перестал хотеть жить.

Тело его похоронили в городе Коринфе и поставили ему бронзовый памятник, а на нем сделали надпись:

> «Время точит и камень, и бронзу, но слова твои, Диоген, будут жить вечно! Ты учил людей благу, которого они сами могут достигнуть, и показал им средства спокойно и радостно жить».

Ученики Диогена

Учение Диогена слушали почти все жители тех городов и селений, где жил или проходил Диоген, и всем, кто понимал его, оно было на пользу, и жизнь тех людей менялась хоть немного к лучшему.

Однако, не все ученики поддержали славу своего учителя.

У самого Диогена, как и у всех людей, были слабости. Так, иногда он очень грубо обращался с людьми.

Рассказывают, например, что раз он пришел в дом одного богача. Комнаты его были устланы дорогими коврами; стены увешаны картинами, оружием и разными драгоценностями. Войдя в комнату, Диоген кашлянул и захотел сплюнуть. Он оглянулся вокруг и не мог найти такого места, куда бы можно было плюнуть. Везде все блестело и лоснилось, так что жаль было пачкать. Тогда Диоген обернулся к хозяину и плюнул ему в бороду.

– Что ты делаешь? – вскричал хозяин.

– Я не нашел более грязного места, – ответил Диоген.

Хозяин волей-неволей перенес ту грубость. Диогена так уважали, что и такие выходки проходили ему безнаказанно.

Но другим его ученикам этого не позволяли. Диоген любил простоту, а плохо понявшие его ученики вместо простоты переняли от него только грубость, да неряшливость, да еще от себя прибавили, и вышло ни на что не похоже. Таким образом, сами Диогеновы ученики и последователи наиболее повредили его учению в глазах людей. Такова судьба многих великих учений.

Самого Диогена еще при жизни его прозвали собакой. Сначала просто знатные люди говорили про него, что он живет как собака. Потом стали смеяться и спрашивать его:

– Почему тебя называют собакой?

Он шутя отвечал:

– Оттого, что я лаю на праздных и огрызаюсь на злых.

Так за ним и осталось это прозвище. «Собака по-гречески, а потом и учеников Диогена стали называть циниками.

Те из учеников Диогена, которые не поняли, как следует его учения, своею грубостью и неряшливостью в делах и словах заслужили общее презрение, так что слово циник стало, потом бранным и сохранилось таким до нашего времени. Циник – значит теперь, что ты бесстыдник; но дурная молва о циниках не может затмить заслуг Диогена.

Выли и такие из слушателей Диогена, которые не только

хорошо поняли его, но захотели, и жить так точно, как жил сам Диоген, во всем следовать его учению и потом своею жизнью, и словом учить людей тому же. Из таких последователей более замечательны следующие:

Мочим, уроженец города Сиракузы, жил у одного банкира в Коринфе. Ксениад, у которого жил Диоген, был знаком с Монимом и, навещая его, часто много рассказывал ему про жизнь и учение Диогена. Монима так поразило это учение, что он бросил банк и своего хозяина и стал ходить к Диогену учиться его мудрости. Хозяин Монима всем рассказывал, что его помощник сошел с ума. И его знакомые поверили этому, когда банкир сказал, что Моним не берет у него денег и говорит, что они ему не нужны.

Моним отличался проницательным умом, больше всего любил правду и презирал славу и богатство.

Он написал несколько книг, в которых поучал людей праведной жизни.

Кратес и жена его Гиппархия. Кратес был знатного рода и очень богат. Когда он узнал учение Диогена, он роздал все свои богатства и сделался нищим. Говорят про него, что он часть денег своих положил в городскую казну и просил, хранит там, пока подрастет его сын.

– Если он будет мудрецом, – говорил Кратес, – тогда ему деньги не понадобятся, употребите их на городские нужды; а если он от меня не научится мудрости, тогда отдайте ему мои деньги.

Он был очень умен и жалостлив к людям. И его все любили, несмотря на его убогую наружность. Он был горбат, некрасив с лица и ходил в грубой, грязной одежде, часто в лохмотьях. Палка да сумка составляли все его имущество. Он говорил про себя:

– У меня нет ни своего родного дома, ни своей кровли, где бы я мог укрыться, но жить я могу во всех городах и домах всего мира.

Александр, царь Македонский, спросил его раз: желает ли он освобождения своего отечества?

– Зачем, – ответил Кратес, – только для того, чтобы другой такой же Александр опять заполонил и разорил его? Бедность моя и презрение к славе – вот мое отечество и богатство, их у меня никто не отнимет.

Гиппархия, дочь богатых и знатных родителей, услыхала раз, как Кратес учил народ, и так пленилась его мудростью, что полюбила его и объявила; родителям, что ни за кого больше не пойдет замуж, как только за Кратеса. Родители ужаснулись и стали отговаривать дочь, но ни угрозы, ни ласки на нее не действовали.

Она отказывала всем знатным женихам и объявила родителям, что если они ей не позволят выйти замуж за Кратеса, то она лишит себя жизни.

Тогда родители обратились к самому Кратесу и, прося его подействовать на нее. Кратес представлял ей все трудности и невзгоды такой жизни, какую он ведет, говорил, что ей придется жить в нищете и грязи, что придется выносить грубость его обхождения, но она отвечала, что готова на все. Родители стали просить Кратеса самого отговорить ее. Кратес сказал ей, что ради неё он не изменит своей жизни и ей придется быть бродягой, как и он, и выносить много невзгод и позора. «Я готова на все и всюду пройду ее за тобой!» – ответила Гиппархия. Тогда Кратес скинул перед ней одежду свою и показал ей свой горб, думая уродством своим отвратить ее от себя. Но и это её не поколебало. Тогда родители согласились и отдали ее за Кратеса. Она оделась в самую грубую одежду и стала бродягой, как её муж.

Так они жили на улице и спали на площади, под воротами храма. Когда Кратес учил, жена, хорошо понимая его, помогала ему и разъясняла его слова. У них был один сын и две дочери. Сын женился на одной бедной служанке, а дочери я вышли замуж за учеников отца.

У Кратеса было много учеников, но между ними особенно замечателен Зенон, он много своего прибавил к учению Диогена и Кратеса и стал учить других. От его учения пошли мудрецы, которых потом назвали стоиками. Между ними особенно замечательны: римский мудрец Эпиктет и римский император Марк-Аврелий.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

notes

Примечания

1

Талант – на наши деньги 1300 руб. сер.